

От поверхности до дна – мысль одна

Экономическая преступность в России

Р. В. Рывкина, доктор философских наук, Институт проблем народонаселения РАН, Москва

Масштабы преступности и темпы ее распространения позволяют говорить о растущей криминализации российского общества. Так, общее число осужденных за 1996 г. достигло 1036 тыс. чел. Максимально высок и коэффициент судимости - 875 на 100 тыс. человек в возрасте от 14 лет и старше.

Мощная «проникающая сила»

Количество зарегистрированных органами следствия преступлений против собственности в России в 1995 г. было более 1,7 млн. Это - 62% всех зарегистрированных преступлений в стране.

К тому же «ассортимент» экономических преступлений в последние годы очень расширился. К «новинкам» относятся:

Экономическое преступление — уголовно-наказуемое деяние, совершенное в сфере производства, распределения, потребления товаров и услуг, в том числе связанное с незаконным использованием служебного положения (хищения, совершенные путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением; обман потребителей, нарушение правил торговли; нарушение государственной дисциплины цен, уклонение от уплаты налогов, выпуск и продажа товаров, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности и пр.)

1) незаконное отчуждение государственной собственности в ходе приватизации и корыстные злоупотребления приватизаторов;

2) противоправное перераспределение произведенного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев путем преступных махинаций в кредитно-финансовой и внешнеэкономической сферах, на валютно-денежном и потребительском рынках;

3) нелегальная предпринимательская деятельность, использование фиктивных фирм или предприятий, зарегистрированных на подставных лиц;

4) крупномасштабные аферы в отношении вкладчиков финансовых компаний;

5) «сползание» некоторых секторов экономики к незаконным принципам функционирования;

6) использование «теневых» капиталов в банковской, производственной и других видах деятельности;

7) активная интеграция доходов от организованной преступности в экономическую сферу с целью получения сверхвысоких «законных» доходов;

8) уголовный террор против банкиров, финансистов, хозяйственников;

9) использование должностных лиц для достижения преступных целей;

10) расширение каналов незаконного обогащения, установление и передел сфер влияния, перераспределение собственности и устранение конкурентов.

Этот перечень можно продолжить, и в сочетании со «старыми» преступлениями против государственной, совхозно-колхозной, кооперативной и личной собственности он показывает, что экономическая преступность в России сегодня обладает мощной «проникающей силой».

С советскими привычками далеко не уйдешь

И в советское время существовали как «теневая» деятельность в сфере экономики, так и экономическая преступность. Плановая экономика в действительности управлялась не столько планом, сколько «административным торгом», «механизмом согласований».

Немалая часть хозяйственников была вынуждена заключать «теневые» сделки, чтобы обеспечить нормальную работу предприятий. Они шли на сговор с посредниками, чтобы достать дефицитное оборудование и стройматериалы, обойти запреты Госплана или своего министерства, мешающие решить те или иные производственные вопросы.

Без обращения к «черному рынку» сделать это в условиях СССР чаще всего было невозможно. Поэтому у сильных хозяйственников вырабатывалась привычка обходить законы и запреты. Хотя она мотивировалась благими целями, но само ее наличие создавало нездоровую атмосферу в экономике.

Наряду с этим от СССР Россия унаследовала экономическую преступность в прямом смысле слова. Достаточно вспомнить коррупцию аппарата власти брежневских времен. Как и в те времена, российские политики и хозяйственники контролируют прямой экспорт продукции, открывают счета в иностранных банках, ведут операции с наличными деньгами и присваивают огромные денежные суммы.

Как и тогда, все это происходит с помощью западных фирм, а в России создаются фиктивные организации для «отмыва» денег. Как и тогда, в таких делах участвуют высшие политические чиновники, и потому дела закрываются. Примеры криминальных структур, возникших еще во времена СССР, — это «подпольные предприятия».

По подсчетам экономистов, доля «неформального сектора» в российской экономике в 1996 г. составляла 50%.

Государство возвращает преступность

Как это ни парадоксально, именно государство «запустило» широкий процесс не только экономической преступности, но и тотальной криминализации российского общества.

Во-первых, в двойственном положении оказался бывший аппарат советского государства. С началом рыночных реформ чиновники скоропалительно сменили статус: из «партийно-советской номенклатуры», подавлявшей экономическую инициативу, они начали превращаться в «реформаторов», поощряющих такую инициативу.

Захват бывшими партработниками «обвалившейся» госсобственности, их превращение в бизнесменов, вызвали в обществе сначала недоумение, а потом возмущение. Это вынудило «старую номенклатуру» скрывать свои собственнические устремления, свое участие в переделе собственности. Поэтому они стали уязвимыми для преступных группировок и заинтересованными в защите своего нового статуса. Возможно, именно в этот тупик зашла рыночная реформа в России. А могла ли она идти еще куда-то?

Какой слой, кроме партийно-советской и хозяйственной номенклатуры, был способен стать реальным собственником? Интеллигенция, рабочий класс, крестьянство? Сомнительно. И рыночная реформа могла идти только так, как она и пошла.

Во-вторых, криминализация общества «облегчала» экономическую политику постсоветского государства. С одной стороны, государство принимает законы, вызывающие противоправное поведение граждан. Например, законы о налогообложении, которые породили массовое уклонение от уплаты налогов. И граждан, и предприятий, и территорий.

С другой стороны, само государство выступает как правонарушитель, тем самым, стимулируя граждан следовать его примеру. Пример - игнорирование государством собственных обязательств по оплате госзаказа. Именно это запустило механизм неплатежей, который, в свою очередь, создал почву для тотального воровства.

В-третьих, криминогенная роль государства заключается и в преступной деятельности самих работников государственных органов. Создана даже специальная Служба собственной безопасности, которая «присматривает» за личным составом налоговых органов - прослушивает разговоры сотрудников налоговых органов с фирмами, организует вторичные проверки и т. д. Но едва ли административный контроль - это эффективный способ борьбы с преступностью внутри государственных органов. И в службах собственной безопасности могут оказаться люди, желающие иметь свой «кусок».

В-четвертых, идет «срастание» чиновников с преступным миром. Это и попустительство криминальному бизнесу с получением вознаграждения, и участие в нем, и ограждение криминальных авторитетов от наказаний, и обеспечение их информацией.

«Прямые меры» — без суда и следствия

В 1993 г. среди привлеченных МВД РФ к ответственности за коррупцию работники министерств, комитетов и государственных структур в регионах составили 47%, сотрудники правоохранительных органов - 29, работники кредитив-финансовой системы - 13, контрольных служб - 5 таможенной службы - 4 и депутатов - 2%.

К 1996 г. ситуация изменилась отнюдь не к лучшему. Масштабы противоправной деятельности работников государственных органов значительно выросли.

Постсоветское государство не только не смогло противостоять натиску криминальных элементов во все сферы российского общества, но и «развратило» те свои службы (МВД, КБ и др.), которые были призваны противостоять преступности и обеспечивать безопасность граждан. И потому не пошла реформа ни судебных, ни правоохранительных органов.

Государственные органы спровоцировали денежный «голод» и кризис в выплате зарплаты и дивидендов держателям государственных облигаций в размере не менее 40 млрд. дол. Можно считать кризисным и госбюджет на 1997 г. И каждый такой кризис создает новые условия для экономических преступлений.

По указу президента России органы МВД получили право выявлять лиц и организации, не уплатившие налоги и не имеющие лицензии, и применять к ним «прямые меры». Такую подмену правоохранительными органами судебных инстанций нельзя оценить иначе, чем насаждение преступности самим государством.

Наше государство, а точнее, органы управления оказались слишком слабыми, чтобы справиться с «джинном», которого выпустила на свободу российская рыночная реформа, — криминальным бизнесом. Более того, государственные органы стали непосредственными, если не главными, участниками этого бизнеса.

Ослабление (на законной основе!) хозяйственной деятельности государства привело и к его слабой политической роли. Сращивание бизнеса и политики говорит о том, что вместо государства как аппарата власти и управления, защищающего своих граждан, появилось криминальное государство.

Бедность была не пороком, но привела к порокам

В России высока доля в составе населения тех или иных «групп риска». К таким группам относятся «бедные», малоимущие, безработные и фиктивно занятые, «социальное дно» (нищие, бомжи, беспризорные дети, вышедшие из тюрем и лагерей,

а также беженцы из «горячих точек» бывшего СССР и неустроенные лица, демобилизованные из армии и находящие в состоянии «пост военного шока»).

Все эти категории есть в любом обществе. Но в нынешней России таких людей неизмеримо больше, чем где-либо еще. Это - миллионы людей, забытых государством.

Наряду с «новыми русскими» появились «новые бедные». По данным Госкомстата РФ, на конец 1996 г. за «чертой бедности» (ниже прожиточного минимума) в России живут 25% населения страны.

Но итоги опросов показывают другие цифры: на уровне «прожиточного минимума» и ниже живет 75-80% населения; в то время как 10% населения не знает, куда и как истратить деньги, у 90% они имеются нерегулярно. Инженеры, учителя и прочие специалисты не могут выжить за счет привычного для них труда. Это увеличивает вероятность криминального поведения этих групп.

Ряды полностью безработных пополняют еще более многочисленные группы тех, кто в связи с невыплатами зарплаты являются как бы полубезработными. Отсутствие нормальной работы и нормальной оплаты труда у миллионов таких работников стимулирует на предприятиях массовые хищения, которые стали как бы социально правомерными. Достаточно напомнить об отнюдь не единичных случаях, когда специалисты по уникальной технике, включая и оборонную, продают ценные данные иностранным фирмам, и, если там не содержится сверхсекретная информация, их действия не вызывают особого интереса в нашем государстве и обществе.

Криминогенную роль играет и «социальное дно». Официальной статистики численности этой категории нет, есть лишь косвенные данные по отдельным составляющим. Например, в 1991-1995 гг. значительно выросло количество осужденных подростков 14-17 лет - 82028 чел., в 1991 г. до 116474 в 1995 г. По-видимому, растет преступность за счет бомжей, нищих и других, не интересующих даже милицию, групп.

Появление в городах России беженцев из разных районов Кавказа и внедрение их в сферу уличной торговли породило кордоны на бывших колхозных рынках, взимание дани с русского населения за уличную торговлю, поборы с тех, кто отказался от участия в криминальных сделках. Во всем этом нередко участвуют работники местных правоохранительных органов: сложившаяся ситуация вполне устраивает их, поскольку они имеют дополнительный доход.

В последние годы возникают все новые группы «риска и аварийности». Например, появились сутенеры, зарабатывающие на нелегальном вовлечении беспризорных детей в разного рода сексуальные связи, на полускрытой женской проституции. Растет число наркоманов, гомосексуалистов. Для таких групп попадание в преступную среду нередко оказывается решением их проблем.

Духовными ценностями не наполнить холодильник

Ситуацию усугубляет ценностный вакуум. К началу 1997 г. грань между «коммунистами» и «демократами» в стране практически исчезла. Многие эксперты сходятся на том, что исход избирательных кампаний никак не зависит от «окраски» кандидатов. Это значит, что общество потеряло чувствительность к идеологически разным политическим взглядам.

Утрата доверия к разным идеологиям, в свою очередь, означает отчуждение от тех ценностей, на которых эти идеологи и базируются. Прежде всего, ценностей правовых, политических, нравственных.

Последовательно в России были дискредитированы сначала ценности капитализма, потом — ценности социализма, а теперь что-то не видно возрождения капиталистических ценностей, да и некому возродить их.

Общество испытывает аллергию на любую идеологию, на любые духовные ценности, выходящие за рамки повседневных забот и потребностей. И такое состояние общественного сознания - благоприятная среда для противоправного поведения.

При этом экономическую свободу сегодня оценили все, терять ее никто не хочет. Все хотят другого: использовать эту свободу для создания нормальных условий жизни для себя, для своих семей, для достижения тех или иных личных целей. Использовать любыми способами, и аморальными тоже.

Но понимание ненадежности личного богатства в криминальном обществе будет усиливаться, будут возникать и сторонники оздоровления страны, и новые социальные институты, работающие на социальное и моральное оздоровление общества.